

Фан Чжо кивнул, но вдруг что-то вспомнил:

— Почему до этого я никогда не слышал имени второго молодого господина?

Услышав, что Фан Чжо больше не испытывает к нему симпатии, Чжоу Чэн, напротив, перестал чувствовать прежнюю неприязнь. Он даже подумал, что в каком-то смысле они теперь в одной лодке.

— Он с детства был болезненным, отец всегда держал его взаперти, — ответил Чжоу Чэн. Семья Чжоу никогда не скрывала существования Чжоу Цу, но все, кто знал о нем, были уверены, что он безнадежно болен и дни его сочтены.

Фан Чжо задумчиво произнес с ноткой жалости:

— Бедный второй господин.

Бедный, как же!

Судя по тому, как невозмутимо и холодно-высокомерно держался вчера Чжоу Цу, еще неизвестно, кому из них на самом деле стоит посочувствовать.

Жизнь Чжоу Цу была донельзя однообразной: каждый день он не выходил из своей спальни или кабинета. Когда Фан Чжо приехал, он не стал сразу подниматься вверх, а присел на корточки на кухне, чтобы поболтать с единственной служанкой, тетужкой Чэнь.

Поскольку водитель Чжоу Чэна передал приказ хозяина хорошо позаботиться о госте, тетужка Чэнь не смела проявлять небрежность. К тому же она полагала, что человека, которого отправили в этот дом, должны были посвятить в дела семьи, поэтому отвечала на все вопросы Фан Чжо.

Вскоре Фан Чжо прояснил ситуацию с Чжоу Цу.

Скорее, его можно было назвать не господином этого дома, а пленником.

С тех пор как двадцать три года назад Чжоу Цу вернулся в семью, он не покидал виллу ни разу — если не считать вчерашней поездки с Чжоу Чэном. Опыт общения с людьми у него был нулевой: не то что любовников или случайных партнеров, у него даже друзей не было.

Фан Чжо оглянулся на задний двор, где немецкая овчарка обнюхивалась через ограду с самоедом.

Наступила весна, даже кошки и собаки могут сбегать погулять, а этому Чжоу Цу уже почти тридцать, и он до сих пор не познал плотских утех.

Честно говоря, живет он хуже, чем животное. Так и до психического расстройства недалеко.

Хотя в доме жил только Чжоу Цу, кормили здесь отменно: на столе всегда были мясо и рыба. Сегодня, из-за гостя, добавили еще пару блюд.

Глядя на изобилие, Фан Чжо сглатывал слюну, несколько раз порываясь схватиться за палочки.

Прошло еще минут десять, но наверху по-прежнему было тихо.

Фан Чжо не выдержал и пошел на кухню к тетушке Чэнь:

— Тетушка, второй господин не спустится к обеду?

Та, не поднимая головы, вытирала плиту:

— Глава семьи звонил утром и сказал, что второму господину нездоровится, обедать он не спустится.

Фан Чжо нахмурился: негоже гостю садиться за стол, когда хозяин отсутствует.

— Как же так? Я сам его позову.

На втором этаже виллы была странная планировка: коридор пугающе просторный, а в конце — комната, по бокам которой открывались панорамные окна. И дневной свет, и лунный свет заливали пространство без всяких препятствий.

Фан Чжо постучал:

— Второй господин.

В комнате царила мертвая тишина.

— Прошу прощения, — он повернул ручку и вошел.

Чжоу Цу сидел в массивном кресле из красного дерева с компасом в руках. Увидев Фан Чжо, он на мгновение дрогнул взглядом, но тут же снова погрузился в апатию.

Сегодня он был в черной рубашке и брюках, рукава закатаны, открывая длинные крепкие предплечья. Выглядел он еще хуже, чем вчера — болезненный, и только глаза оставались такими же глубокими и ясными.

Фан Чжо обвел комнату взглядом и, заметив в углу железную цепь с кандалами, невольно вздрогнул.

На металле засохшая кровь!

О господи, какая же у бедняги жизнь!

— Кто-то пришел, — внезапно произнес Чжоу Цу, откладывая компас.

Фан Чжо прислушался — никого и в помине не было, но тут же во дворе послышался шум моторов.

Приехали три машины, из них высыпали крепкие амбалы. Они дисциплинированно ворвались

на виллу, и вскоре в коридоре раздались тяжелые шаги.

Раздался грохот — дверь распахнули с силой.

Телохранители вошли внутрь, выстроившись по бокам, а следом за ними появился мужчина средних лет с аккуратной прической. Он был в безупречном костюме, с массивными золотыми часами на руке и начищенных до блеска туфлях.

Чжоу Цу положил руки на подлокотники, выпрямил спину и посмотрел на отца холодным, пронзительным взглядом.

Его величие было неоспоримым.

Отец Чжоу сразу узнал Фан Чжо — того самого, что на видео сидел верхом на его сыне, — и, подойдя, отвесил ему пощечину. Но как только Фан Чжо собрался увернуться, Чжоу Цу встал и крепко перехватил руку отца своими костлявыми пальцами.

Фан Чжо опешил и выпалил:

— Так ты не парализованный?

Вчера тот сидел на диване без движения, позволяя делать с собой что угодно, вот он и решил, что у парня отнялись ноги.

Чжоу Цу бросил на него взгляд:

— Анестезия.

— А, понятно.

Фан Чжо перевел взгляд на их руки.

Пальцы мужчины были бледными и длинными, казалось, он не прилагает особых усилий, но лицо отца Чжоу исказилось от боли.

— Отец, прошу, соблюдайте приличия.

Чжоу Цу отпустил его, достал из кармана белый платок, тщательно вытер каждый палец и бросил ткань в корзину.

Фан Чжо застыл в изумлении.

Вот это круто.

Отец Чжоу, которого сын посмел послушаться, не разозлился — видимо, посчитал, что драка недостойна его положения. Он неловко кашлянул:

— Я уже наказал твоего старшего брата.

Чжоу Цу усмехнулся и снова сел в кресло.

Отец продолжил, как ни в чем не бывало:

— А-Чэн вспыльчив и неразумен, не обращай на него внимания. Что касается этого человека...

— он искоса взглянул на Фан Чжо с нескрываемым презрением, — раз он тебе нравится, пусть остается. Если хочешь кого-то другого, я могу прислать еще парней.

Фан Чжо: «???» Неужели каминг-аут сделать так просто?!

Чжоу Цу помедлил:

— Он подойдет.

Отец Чжоу:

— Как скажешь.

Фан Чжо: «...»

Раз он остается, значит, сможет спокойно общаться с Чжоу Цу, а там и до исполнения миссии рукой подать!

Фан Чжо подобострастно улыбнулся:

— Господин Чжоу, будьте уверены, я буду хорошо заботиться о втором господине.

В глазах отца Фан Чжо был лишь продажной девкой, на которую и смотреть-то противно. Увидев, что гость достаточно сообразителен, он кивнул:

— Пойдем со мной.

Кабинет семьи Чжоу был безупречно чист, им пользовались редко.

Отец Чжоу сидел в кожаном кресле, закинув ногу на ногу и покуривая сигарету:

— Сюй Вэйлай, верно?

Фан Чжо стоял, опустив голову, и выглядел очень напряженным.

— Не нервничай. Я уже сказал, что не против связи сына с женщиной, — произнес Чжоу Сюйфэн. — Тебя бросили в детстве, в приюте жизнь была несладкой, характер у тебя пугливый, но амбиции огромные. На пособия приюта и стипендии ты закончил университет, сейчас работаешь стажером в газете, а место в штате под вопросом.

— Вы следили за мной! — Фан Чжо резко поднял голову, широко открыв глаза от недоверия.

Чжоу Сюйфэн остался доволен реакцией и выпустил дым:

— Даю тебе шанс подняться. Следи за А-Цу.

— Когда все закончится, я сделаю тебя главным редактором отдела в газете, плюс выпишу щедрую премию.

Без связей, полагаясь только на упорство, из стажера в главреды не пробиться и за пять лет. Для новичка это был невероятно сладкий кусок пирога. К тому же, судя по досье, Сюй Вэйлай

был тщеславен и не мог отказаться.

Разумеется, парень согласился.

Фан Чжо:

— Я согласен. Надеюсь, господин Чжоу сдержит слово.

Чжоу Сюйфэн довольно улыбнулся и махнул рукой, словно прогоняя муху:

— Проваливай.

Фан Чжо уже собрался уходить, как его окликнули.

Чжоу Сюйфэн встал с кресла, его лицо помрачнело:

— Сначала сходи в больницу на обследование. Я должен быть уверен, что ты здоров.

Фан Чжо не хотел тратить деньги впустую:

— Господин Чжоу, я проходил осмотр два месяца назад.

Отец Чжоу отрезал:

— А-Цу очень слаб, любая мелочь может стоить ему жизни. Надеюсь, ты поймешь меня как отца.

Когда он говорил о сыне, его тон напоминал обращение с собакой. И этот человек смеет называть себя отцом?

Фан Чжо почувствовал несправедливость по отношению к Чжоу Цу. Весь обратный путь у него было паршивое настроение, а когда он вернулся в комнату, мужчина уже лежал на кровати.

Должно быть, отдыхал.

Чтобы Фан Чжо было удобнее следить, отец не стал выделять ему отдельную комнату, велел тетушке Чэнь принести постельное белье и туалетные принадлежности прямо к Чжоу Цу, после чего в сопровождении охраны с шумом покинул виллу.

Фан Чжо полчаса возился с постелью и душем. Когда он вышел, Чжоу Цу все еще лежал в той же позе на боку.

Он спустился вниз, перекусил и обошел виллу. Оказалось, что дом почти не обжит, зато развлечений полно: кинозал, тренажерный зал, игровая — все на месте.

Фан Чжо развлекался до полуночи.

Тетушка Чэнь не жила на вилле, и, поняв, что Фан Чжо — не важный гость, стала его игнорировать, даже ужин приготовила только на одного.

Фан Чжо обжарил остатки обеда, набил живот и, помыв посуду, поднялся наверх.

Как только он открыл дверь, его обдало ледяным воздухом. Чжоу Цу лежал в точно такой же позе, как и днем.

Обычный человек так не может.

Фан Чжо быстро подошел и коснулся лица мужчины — кожа была холодной, как лед.

Чжоу Цу был бледен, как покойник в морге.

Фан Чжо в испуге сел на пол, дрожащими руками проверяя дыхание, а затем прижался ухом к груди.

Неужели ему показалось, что сердце не бьется?

— Эй, очнись!

— Чжоу Цу!

— Черт, ты что, умер?!

...

Фан Чжо в панике схватил телефон, чтобы вызвать скорую, но сигнала не было. Он вскочил и побежал вниз.

В холле было пусто и мрачно.

Фан Чжо вздрогнул, на ощупь нашел выключатель — свет немного разогнал страх.

Стационарного телефона не было, входная дверь заперта. Он подбежал к панорамным окнам, застучал по стеклу и закричал:

— Помогите! Ваш второй господин при смерти!

За окном два охранника сидели на траве, курили и болтали. Услышав шум, они лишь мельком глянули назад и отвернулись.

Они не то чтобы не хотели помочь, просто не смели. Хозяин приказал: что бы ни случилось ночью, делать вид, что ничего не видишь и не слышишь.

Фан Чжо с тяжелым сердцем вернулся в комнату.

Он склонился над кроватью: на густых ресницах Чжоу Цу выступил иней. Парень обхватил себя руками, дрожа от холода.

Окружающий холодный воздух словно жил своей жизнью, отчего волосы вставали дыбом.

— Чжоу Цу, ты хочешь выбраться отсюда? — он придвинулся ближе, надеясь хоть немного согреться. — Не умирай, что мне тогда делать? Я ведь ради тебя сюда приехал.

Человек на кровати был без сознания, его тело трясло еще сильнее, губы почернели.

Фан Чжо было страшно, но бросить его он не мог. Он принес таз с горячей водой и начал делать компрессы. Руки ныли, толку было мало, и он, разозлившись, бросил полотенце и устался на Чжоу Цу.

— Черт, — выругался Фан Чжо и, запрыгнув на кровать, крепко обнял его поверх одеяла.

Но толку было ноль.

Стиснув зубы, он нырнул под одеяло.

Тонкая рубашка моментально заledenела. Даже с учетом его «системного» бонуса, Фан Чжо, чья температура была выше, стучал зубами от холода.

Чжоу Цу выглядел болезненно, но на ощупь оказался крепким. В тусклом свете Фан Чжо разглядел красивый пресс и сексуальную линию живота...

Фан Чжо пытался отвлечься мыслями о чем угодно и сам не заметил, как уснул.

В полубреду Чжоу Цу почувствовал источник тепла — нечто, чего никогда не было раньше. Он инстинктивно сжал конечности, боясь, что драгоценное тепло ускользнет. Ресницы дрогнули, он открыл глаза и увидел длинную красивую шею и ключицы, прикрытые тканью.

В свете лампы кожа отливала медовым цветом. Под тонкой кожей пульсировали голубые вены — сама жизнь.

Наверное, кровь внутри горячее, чем само тело.

Словно околдованный, он припал губами к коже, с силой втягивая ее.

— А! — Фан Чжо резко проснулся и, схватившись за шею, нащупал чью-то голову.

Мужчина одной рукой сжимал его горло, другой прижимал к себе, впиваясь зубами в шею — казалось, он хочет его съесть.

— Друг, ты что... М-м-м!

Острая боль: кожа прокушена. Фан Чжо отчетливо почувствовал, как этот псих пьет его кровь!

Черт, черт, черт!

— Чжоу Цу, у тебя бешенство?! Отпусти меня!

— Да пошел ты!

— Ты меня загрызешь!

Фан Чжо кричал, но, поняв, что бесполезно, начал мягко гладить «собачью» голову мужчины.

— Тише, не кусайся, мне больно.

— Цу-Цу, слушайся.

— Прошу тебя, ну пожалуйста.

— ...

К концу он уже скрежетал зубами, на глазах выступили слезы.

Фан Чжо долго вел свой монолог, и неясно, то ли Чжоу Цу наелся, то ли ласка подействовала, но зубы наконец разжались. Фан Чжо почувствовал, что температура тела мужчины возвращается в норму.

Чжоу Цу затих.

Внизу пробили часы — час ночи.

Фан Чжо попытался выбраться из объятий бешеной собаки, но стоило вытащить одну руку, как его притянули обратно.

Длинные конечности мужчины снова плотно обвили его, и он невнятно пробормотал в самое ухо:

— Не двигайся. Спи.

Фан Чжо: «...» Спать? Да он сейчас от боли помрет!

Через пять минут Фан Чжо отрубился, как младенец.

Проснулся он в десять утра. Чжоу Цу сидел напротив с пожелтевшей книгой в руках.

Мягкий золотистый свет немного смягчил его холодные черты лица. Услышав движение, он лишь мельком взглянул на постель и снова уткнулся в книгу.

Никакого смущения или оправданий за вчерашнее поведение бешеной собаки.

Фан Чжо помрачнел. Только он собрался встать, как послышался стук в дверь.

Получив разрешение, вошла тетюшка Чэнь с миской каши с морепродуктами:

— Второй господин, завтрак для господина Сюя готов.

— Угу, — Чжоу Цу отложил книгу и взял миску.

Фан Чжо все еще дулся и отвернулся к окну.

Чжоу Цу сунул миску ему под нос:

— Рук нет? Держи сам.

Каша была густой, пахла свежими гребешками и креветками, посыпанная зеленым луком — от одного аромата потекли слюнки.

Фан Чжо немного поупирался, но вынужден был взять:

— Спасибо.

Чжоу Цу даже не поднял глаз, словно взгляд на него был чем-то грязным. Тетюшка Чэнь стояла рядом, ее взгляд то и дело падал на шею Фан Чжо, и она хмурилась.

Когда она ушла, Фан Чжо доел и отправился в ванную.

Он наклонил голову перед зеркалом: на шее, помимо явных следов зубов, расположилось красное пятно — вызывающее и двусмысленное.

Место такое, что даже воротник рубашки не скроет.

Рубашка была испачкана кровью, пришлось надеть банное полотенце и выйти наружу.

Чжоу Цу поднял взгляд. Честно говоря, фигура у парня была так себе: живот плоский, но мышц нет, о грудных и речи не идет.

Он закрыл книгу:

— Что?

— Одолжи одежду.

Фан Чжо взъерошил волосы, намеренно стряхивая воду на Чжоу Цу.

Тот поморщился, встал, вошел в гардеробную и, выудив комплект, бросил его:

— Одевайся и проваливай.

— И трусы, — Фан Чжо пропустил мимо ушей приказ убраться, — новые.

Чжоу Цу прищурился, молча, его терпение было на исходе.

Фан Чжо:

— Если второй господин не против, что я буду носить ваши штаны на голое тело, то мне все равно.

Чжоу Цу: «...»

В итоге Фан Чжо все же надел новые трусы. Размер был великоват — значит, у второго господина там все в порядке, да и задница должна быть что надо.

Он довольный спустился вниз.

Тетушка Чэнь чистила овощи на кухне. Фан Чжо без тени смущения пристроился рядом:

— А как часто господин Чжоу-старший сюда заглядывает?

Ответом ему было лишь фырканье.

Фан Чжо продолжал:

— Мне кажется, состояние второго господина не настолько плохое, чтобы не выходить из дома. Его держат здесь по другой причине?

Тетушка Чэнь бросила корзину:

— Я ничего не знаю.

Фан Чжо поджал губы и жалобно захлопал глазами:

— Тетушка, вы вчера были так добры ко мне. Я что-то сделал не так? Вас разозлил?

Тетушка Чэнь долго сверлила его взглядом:

— Сам не догадываешься?

Раньше отец Чжоу не раз присылал сюда молодых людей, тетушка привыкла. Но этот парень выглядел таким чистым, с такими ясными глазами — совсем не похож на интригана. Однако после вчерашнего она почувствовала, что ее провели: еще один лисенок, присланный соблазнять второго господина.

Тьфу.

Но, несмотря на презрение, она не удержалась от совета:

— Паренек, послушай тетю, найди себе нормальную работу. Пусть денег меньше, зато совесть чиста. Это лучше, чем торговать...

Она запнулась, не в силах произнести слово, и Фан Чжо подхватил:

— Телом?

Тетушка Чэнь смутилась.

Фан Чжо искренне улыбнулся:

— Вы ошибаетесь. Я не причиню вреда второму господину, я правда его люблю.

Оригинал был геем двадцать с лишним лет, поменяться он не мог, так что Фан Чжо продолжал играть роль. В конце концов, как только сюжет закончится, он свалит и заживет в свое удовольствие.

Видя, что он неисправим, тетушка холодно замолчала.

Некоторые люди не поумнеют, пока не окажутся в гробу. Предыдущие тоже умоляли их отпустить, этот не станет исключением.

Фан Чжо встал и пошел поиграть с собаками в саду. Когда обед был готов, он отнес его в столовую и сел ждать, когда Чжоу Цу спустится к еде.

<http://bllate.org/book/22167/2309238>